

Дед его Герасим Васильевич очень любил охоту и много времени ей уделял, благо смоленские леса были его вотчиной. Видимо, поэтому интерес к охоте проявился у маленького Юры в раннем детстве. Ведь охота – это «врождённая склонность». Говорят, что охотничья страсть – это и огромное удовольствие и суровая любовь, единение с миром природы (а натура здесь не играет первые роли).

В день рождения, когда Юре исполнилось семь лет, видя его интерес к охоте, его отец Владимир Герасимович, служивший в это время главным инженером Криворожского железорудного и Никопольского марганцевого бассейнов, позвал сына в кабинет и вручил ему небольшое детское ружьецо «Монтекристо», которое он специально выписал из Бельгии. Из этого ружья можно было стрелять и дробью, и пулей. Восторгу не было конца, когда отец и сын вышли в дикую часть сада, а жили они в то время на Александровском руднике в местечке Сухая балка, и стали стрелять по мишени. С тех самых пор и начались в семье страсти по стрельбе и охоте. Наверное, это действительно наследственное: также и моя любовь к Уралу, и моя профессия – металловедение и металлургия, и связанные с ней более 25 командировок независимо от погоды на Урал: в Нижний Тагил, Киров, Пермь и Прикамье: Березники, Соликамск, Чердынь, Кунгур.

Юрий Владимирович Мухин – геолог, изыскатель, доктор геолого-минералогических наук

Но Владимир Герасимович предупредил сына, что стрелять он сможет только в его (отца) присутствии. Самостоятельно будет разрешено стрелять, когда исполнится ему восемь лет и при условии хорошего отношения к учёбе. На скошенных полях и на дне глубокого оврага Сухой балки Юра научился стрелять в цель и добыл свою первую дичь. Уходя на работу, отец давал Юре только один дробовой патрон, чтобы тот мог подстрелить какую-нибудь хищную птицу: ястреба, ворона или сорокопута. Если трофей был добыт, Юра получал ещё один патрон, чтобы побродить после обеда с ружьём. Голод был жуткий (1920 годы!), и Юра, уже повзрослев, как мог помогал семье своими трофеями. Несовершеннолетнего его брали на облавы, организованные местным обществом охотников. Так постепенно и он становился охотником, охотился уже подальше от дома – в плавнях. Стрелял только в сидячую дичь и только на «верный выстрел». В сезон охоты приносил домой диких уток, курочек, куличков и других съедобных птиц. Это было хорошим подспорьем,

т.к. пайка Владимира Герасимовича на всех домочадцев не хватало. У сверстников Юры уже были двуствольные отцовские ружья, на охоте часто бывает нужен второй выстрел, а значит и второй ствол. Приходя с охоты, Юра с сожалением рассказывал о таких случаях, и отец всё понял. Как-то приехав из командировки, он привёз Юре настоящее двуствольное ружьё со стволами из дамасской стали в хорошем состоянии, а к нему патронташ с 24 медными гильзами и машинку для зарядки патронов. Ружьё обладало отличным боем. Радости Юры не было границ, и он не знал, как отблагодарить горячо любимого отца. Старался учиться как можно лучше, помогал по хозяйству и только после того как выполнял все свои обязанности, отправлялся на охоту. Постепенно отец приучил Юру к горному делу, показывал, как залегает руда, водил с собой в забой и лабораторию, где делали химические анализы руды. Так возникло у Юрия желание стать горным инженером, как отец, несмотря на затопление шахты и разрушения после гражданской войны. Все его стремления сформировались в детстве под влиянием отца.

Охота была для моего отца вторым, а может быть, и первым главным занятием в жизни. Всё свободное от работы и науки время он посвящал своему страстному увлечению, стремился всегда в лес или на озеро. «Охота – это особенный дар Божий, это талант» – говорит охотник и писатель М.П. Вавилов. «Охота – утешитель вечно юный и живой» – писал страстный охотник русский писатель С.Т. Аксаков. «Охотничьи чувства – радость жизни и поэзия, свойственная охотникам» (М.М. Пришвин). Если удавалось отойти на 2-3 дня от повседневных забот и стресса, связанного с работой в непростое время конфликтных ситуаций, охота всегда обеспечивала Юрию Владимировичу заряд бодрости.

Отец умел читать лесную книгу. Он знал следы и повадки зверей и птиц, хорошо ориентировался в лесных угодьях. Мать-Природа до конца дней манила его, и он передал эту любовь мне. Если бы я была мальчиком, то научил бы меткому выстрелу, преодолению усталости от походов в лесу, горах, тайге. Он говорил мне, что в критической ситуации нужно вести себя так же осторожно как ведут себя звери. Нарядные куклы мало привлекали меня, да их у меня и не было. Маленький тряпочный зайчик и медвежонок были моими друзьями. Но зато я с большим удовольствием играла с подсадными утками. Их было много: чирок, кряква, селезень. Я их водила на верёвке по дому, пускала плавать в ручей как водоплавающую дичь. При этом манок издавал настоящее «Кря-кря». Отец много времени, несмотря на занятость, проводил со мной. Он знал всё и обо всём. Учил меня плавать и стрелять. Летом я с нетерпением ждала его с работы, чтобы на велосипедах ехать на озеро купаться. Часто мы играли в охотников – индейцев. Посреди комнаты раскладывались шкуры косуль (диких коз), добытых отцом, делался шалашик, это называлось «вигвам», вокруг которого мы скакали и прыгали, охотясь друг на друга, убегая и прячась. Я, конечно, была в восторге. Зимой у нас были другие занятия. Отец был не только охотник и геолог, но и мастер спорта по стрельбе. На охотничий стенд я тоже с ним часто ездила. Стрелок кричал «Дай!», и в этот момент выбрасывались небольшие чёрные тарелочки. В них нужно было попасть в лёт, как в летящую птицу. Такие же тарелочки висели у отца в кабинете дома, прикреплённые к потолку, и мы с ним лупили по ним из духового ружья, а также по разным карточным мишеням. Кабинет запирался изнутри, чтобы никто ненароком не попал под выстрел. Мне нравилось заряжать патроны, когда отец готовился к открытию охоты. Позже, когда я подросла, отец

брал меня на тягу в лес – стрелять бекасов и вальдшнепов. Иногда, когда позволяли условия, он брал с собой маму, она собирала грибы и готовила дичь, я помогала ей ощипывать уток. Вообще тетеревов, рябчиков, уток, дупелей и даже зайцев она готовила мастерски всю жизнь, ведь муж охотник. Они прожили вместе 44 года.

Отец всегда был лёгок на подъём. Открытие охоты на дичь приходилось на начало августа, и это было святое дело. Валдайские, Костромские, Вологодские, Переславль-Залесские, Ярославские угодья, Плещеево озеро, Ока и Клязьма – те места, где он охотился. Возвращался он обвешенный зайцами, утками, тетеревами и дичью помельче: бекасами, дупелями, вальдшнепами невероятно вкусными. Всё это великолепие мы с мамой садились ощипывать, опаливать и готовить особым образом.

Рассказывали, что когда отец работал в шахтах Забайкалья, а позднее на Урале, его увлечение охотой спасло семью от голода. Скитаясь сутками по тайге, он приносил косуль, зайцев, горных коз, шатаясь от усталости и голода, но страшно довольный своей добычей. У меня даже была детская шубка – малица из шкуры косули и заячья шапка. Помню, как я играла с замороженным зайцем, одевала его в своё платице, усаживала на свой стульчик, не понимая (о ужас!), что это охотничий трофей, а не игрушка. Потом у меня этого зайчика отбирали, а мне давали играть только хвостик, белый меховой. Зайчатину готовили и говорили, что очень вкусно. Я зайцев никогда не ела принципиально, хотя их перебивало множество, считала их своими друзьями.

Ниже публикуются стихи и охотничьи рассказы моего отца Мухина Юрия Владимировича под моей редакцией.

И ей придётся терпеливо
Построить свой утиный дом.
Светлеет зеркало залива,
Утятя будут плавать в нём.

Красавец селезень зелёный
По зову сердца. Да, весна!
Взмывает ввысь, глядит влюблённо,
Он ищет, где сидит Она.

Тревожен путь его опасный,
Охотник выстрелом грозит –
Чуть зазеваешься, и баста!
Ты будешь ранен, иль убит.

Но тихо всё вокруг, спокойно,
И он пускает позывной:
«Жвьяк-жвьяк. Моя любовь достойна.
Лечу к тебе. Жвьяк-жвьяк, я твой».

Ответ её его тревожит:
«Лети ко мне. Лети ко мне».
В пике он входит, крылья сложит,
Садится рядом на волне.

Забайкальские рассказы

На звериной тропе

Вечерело. С топографом вдвоём мы спускались по небольшой пологой пади вниз, где нас ждали проводник и лошади. У меня за плечами болтался зауэровский «Ястреб», мой неразлучный спутник, побывавший со мной в Кольской тундре, дебрях Урала, в степях Казахстана, а теперь вот в Забайкалье. У моего напарника была ижевская одностволка. Оба мы, московские охотники, попали в тайгу впервые и не знали неписаных законов тайги в том, что хотя бы в одном стволе ружья, а лучше в обоих, нужно иметь картечь вместо патронов с мелкой дробью. Целью наших изысканий было водоснабжение одного из предприятий, выросших в тайге. Задача была не из лёгких, но мы её уже почти решили, найдя природный источник, по местному – ключ. Топограф делал наброски, а я немного поотстал, но вдруг краем глаза увидел трёх косуль (диких коз), мчавшихся прямо на нас, не разбирая дороги. Инстинктивно я вскинул свой Зауэр, но, вспомнив о патроне с мелкой дробью, с досадой опустил ружьё. Пока я менял патроны, косули уже были вне выстрела и редкая добыча была упущена. Но мы всё равно были довольны тем, что нам удалось увидеть настоящих косуль в природной обстановке.

Прошёл почти год, проведённый в этих суровых, своеобразных, красивых местах. Теперь, медленно идя по тайге, я разбираю следы: вот паслись косули, вот пробежал заяц, вот прыгала белка, вот тропа – переход косуль из одного урочища в другое.

Охота на дикую козу очень трудная. Нужно знать все излюбленные места и все повадки животного. Косули обладают очень острым слухом, хорошим зрением и тонким обонянием. Подойти к косуле на лёжке или во время кормёжки на дробовой выстрел практически невозможно, она уходит раньше, чем её можно увидеть. Поэтому только на тропах, по которым они ходят на водопой или солонцы, охота может быть успешной. Но троп в тайге великое множество, и какая из них может быть главной, толком никто не знал. Однако был охотник, который редко возвращался из тайги без добычи. Это был начальник изыскательской партии Василий Чумаков, который работал в этих местах не один год. На все вопросы местных охотников, где он добыл зверя, он только улыбался, отвечая: «Там, в тайге». И это интриговало ещё больше. Как же прочесть книгу тайги, чтобы она открыла свою тайну?

Однажды я сидел на солонце в карауле и ждал косуль. Река здесь делала крутой поворот, почти под прямым углом прижимаясь к сопкам и прорезая базальт узким глубоким каньоном. Вдруг вдалеке прогремел выстрел. Стрелять, собственно, было некому. Охотников в посёлке было мало, все мы знали друг друга и охотились в одиночку. Было известно, кто куда пошёл, чтобы не мешать и не нарваться на чужой выстрел. Я насторожился – значит, стрелял кто-то чужой. Тайга говорит, что всякий в ней находящийся должен вести себя строго, знать и понимать окружающую обстановку, чтобы не получить ненароком или, наоборот, специально выстрел в спину. В этих глухих местах бывало всякое. Я не заметил никаких следов неизвестного человека, но если бы он оказался на моём пути, не знал, каковы его намерения и как можно общаться с ним: как с другом или с врагом. Я поднялся с солонца и пошёл домой, чтобы не подвергать себя неизвестной опасности. На следующий день выяснилось, что приезжал Чумаков, он спрыгнул с машины за перевалом и ушёл в тайгу. Вернулся он очень поздно расстроенный и даже злой. Рано утром он уехал и поэтому узнать, что случилось, не удалось.

По узкой крутой звериной тропке, пролегающей в начале каньона к воде, я поднялся на базальтовую террасу, где был солонец, на котором я услышал чей-то вчерашний выстрел. Медленно пробирался я вдоль каньона, предварительно пробуя ногой устойчивость отдельных камней. Валежник и бурелом свешивались над самым обрывом и сильно затрудняли передвижение. Собака следовала за мной. Внизу бурлил стремительный поток, омывая чёрные глыбы базальта, свалившиеся в русло. Вид каньона был загадочен. Чёрные столбы базальта образовывали почти отвесную вертикальную стену. Между столбами были широкие трещины, из которых близ русла реки вытекала чистая прозрачная вода. Кое-где виднелись причудливые каменные фигуры, их чёрный цвет придавал каньону мрачный облик. У местных это место пользовалось дурной славой. Эта мрачность отразилась и на мне, и на собаке. Собака жалась к моим ногам и, видимо, не собиралась идти в поиск. Так мы прошли, вернее, проползли километра полтора, когда близ обрыва появилась хорошо натоптанная звериная тропа. На ней были видны свежие следы косули. Тропа уходила к главному перевалу. Здесь базальтовое плато кончилось, и река, вырвавшись из каньона, стала петлять по долине, образуя излучины и заводи. Тропа спускалась к реке, это и был звериный брод и водопой.

Повсюду были видны следы косуль и диких кабанов, на поваленных деревьях – ключья шерсти. Было ясно, что это и есть главная звериная тропа, в которую вливалось множество мелких троп. Наконец-то я её нашел! Звери выбрали её как самую крутую и безопасную. Вдруг, наклонившись, я увидел бумажную гильзу с блестящей латунной шляпкой. Как попала она сюда? Все местные охотники стреляли латунными гильзами. Бумажные были только у меня, я их берёг для дальних выстрелов, заряжая дальнобойными зарядами, и был практически монополистом. Калибр гильзы соответствовал калибру моего Зауэра. Сомнений не было, это была моя гильза! Но я здесь никогда не был, я не знал этой тропы. Как попала она сюда? И вдруг я вспомнил – некоторое время назад я дал Чумакову десять бумажных гильз, привезённых мною из Москвы. Так вот оно что! Вот кто стрелял вчера, когда я кормил комаров на солонце. Это был он – Чумаков. И это была его заветная скрытая, магистральная тропа, по которой происходит движение зверей со всей округи! Я посмотрел, как он здесь охотился. Да, вот примятая трава, но что это – кровь? Растерзанная косуля, а в стороне от неё огромный волк с зияющей раной в боку. Передо мной была лесная трагедия. Чумаков хотел на этой тропе встретить косулю, но это была не его добыча. Очевидно, стая волков во главе с вожакom преследовали жертву. Охотник появился, когда они уже рвали её на куски. Темнело, и он не сразу оценил обстановку. Он был без собаки, которая, конечно, почуяла бы неладное. Волк, услышав чужака, бросился на него первым, защищая добычу. Оскал его был страшен и, если бы не мгновенная реакция охотника и выстрел, зверь разорвал бы его. Вот почему Чумаков вернулся в посёлок расстроенным, он даже не взял никакого трофея, оставил всё как есть и ушёл. И я поступил так же, накормил собаку, и мы ушли. Ведь волки могли в любую минуту вернуться за добычей, это была их тропа.

Сибирская лайка

«Волк» – чистокровная сибирская лайка – он обладает от природы прекрасным чутьём, незаурядной смекалкой и врождённой страстью к охоте. Его первый хозяин и воспитатель уехал из Забайкалья, бросив собаку на произвол судьбы, не сказав никому о его талантах, так как местные охотники не только не охотились с ним, но старались от него отделаться, если он шёл за ними заросшими и одному ему ведомыми тропками в тайге. Мало-помалу он превращался в бродячую собаку, не имеющую хозяина. Но страсть к охоте брала своё, и он ходил на охоту украдкой, следуя за охотниками на приличном расстоянии, чтобы его не заметили.

Как-то раз с одним из старожилow у нас зашёл разговор об охотничьих собаках, и он упомянул о Волке как о замечательной, но, к сожалению, погибшей для охоты собаке, с которой уехавший хозяин стрелял много всякой дичи и косуль. Меня это заинтересовало и, обладая некоторым опытом дрессировки легавых собак, я решил попробовать поохотиться с Волком. В один из свободных весенних вечеров я, собираясь в тайгу, кликнул лежавшую на соседнем дворе и гревшуюся на солнце собаку. Она охотно пошла за мной.

Я бродил по тайге, не обращая внимания на собаку, а она то появлялась, то исчезала где-то в таёжных зарослях. Присев на поваленное дерево, я закурил,

услышав песню глухаря. Вдруг я услышал цокот копыт, недоумевая, кто бы это мог быть. Неожиданно я увидел косулю, несущуюся мимо огромными прыжками. Она пронеслась от меня шагах в ста и скрылась в зарослях. Минут через пять появился Волк, бегущий прыжками по следу косули. Увидев меня, он сделал полукруг и скрылся. Через несколько минут снова раздался цокот копыт и появилась косуля, но в лесу уже стемнело и серый силуэт слился с фоном тайги.

На следующий день я снова взял Волка и пошёл на то же место. Собака, всё время следовавшая за мной, взглянула на меня и исчезла. Прошло полчаса, а может быть и больше. Я сидел и курил, вдруг до меня донёлся знакомый цокот копыт. Прямо на меня бежал самец косули, по местному гуран, с молодыми, покрытыми бархатистой шерстью рогами.

Раздумывать было некогда, я выстрелил на вскидку, но зверь продолжал бежать, после второго прицельного выстрела он свалился. Я бросился к нему, на ходу перезаряжая ружьё, но меня опередил Волк, это он выследил гурана и направил его на меня. Охота была закончена, мы отправились домой, собака не отходила от меня ни на шаг, следуя буквально по пятам. Так состоялось наше первое охотничье знакомство.

В следующий раз я взял Волка с собой на озеро. Мы пришли рано – ещё было темно. Я сел в приготовленную заранее засадку, предоставив собаку самой себе. Она устроилась рядом и сидела неподвижно. Стало светать. Всё моё внимание было поглощено утренней зарёй, но в пределах выстрела не было ни одного селезня. Когда рассвело, я увидел около противоположного берега озера стаю плавающих уток. Вдруг утки забеспокоились и полетели в мою сторону. Причиной была собака, бегающая с лаем по берегу. Два выстрела оставили лежать нескольких уток на глади озера. Собака очутилась там же и вынесла добытую дичь на берег, затем она стряхнула с себя воду и уселась около меня неподвижно. С новой стаей уток повторилось то же самое. Наша добыча увеличилась ещё на два селезня.

Не переставая удивляться работе собаки, я рассказал об этом жене. Было решено, что Волк будет жить у нас, и он стал моим незаменимым спутником и другом. В тайге нагонял на меня косуль, находил белок, рябчиков, тетеревов и глухарей, загонял на дерево рысь и извещал хозяина о своих находках коротким отрывистым лаем. Незаменимый спутник в моих скитаниях по тайге и добыче еды для семьи он оберегал меня во время сна на охоте, на которую я отправлялся часто после 2-3 суток работы в шахте.

Закон жизни (Мать)

Начинался жаркий сентябрьский день. Косуля-мать была очень озабочена – после утренней кормёжки надо было подыскать тихое спокойное место для дневного отдыха. Она водила за собой двух козлят, а время как раз было такое, что укрыться было трудно: по лесу ходили двуногие звери-охотники, которые кричали и что-то собирали. В зарослях рыскали гураны (самец косули преследует самку во время гона, в сентябре), не дававшие косулям покоя, но самыми опасными были, конечно, двуногие, они подстерегали косуль всюду, и их надо было избегать.

Наконец косуля выбрала место в небольшой берёзовой роще, расположенной в узком распадке, спускающемся в долину речки. Здесь было нежарко, тихо, и опасность можно было заметить и ускользнуть от неё или вверх на перевал, или вниз, в долину реки. Козлята улеглись, а мать осталась настороже. Но отдыхать пришлось недолго. Вскоре до её слуха донёсся лёгкий шорох, и затем она увидела чёрного зверя, похожего на волка, который спускался с хребта вниз. Надо было уходить, и косуля, дав сигнал козлятам следовать за ней, быстро спустилась в узкую долину речки. Здесь она рассчитывала, пройдя немного вверх по долине, подняться на противоположный берег и перелесками уйти в укромное место, но впереди в долине стали слышаться шум и голоса – это охотники – путь впереди был закрыт.

Положение становилось безвыходным: сзади чёрный зверь, впереди охотники, слева крутой отвесный обрыв речного каньона. Оставался свободен лишь один путь – вправо к воде. Опытная косуля понимала это очень хорошо. Конечно, если бы она была одна, ей бы ничего не стоило обмануть, провести всех противников и уйти от опасности, но теперь дело шло о спасении её неопытных детёнышей. Их надо было спасти во что бы то ни стало – это высший закон, закон жизни. И мать подала сигнал – козлята попрятались в кусты, а сама она вышла на открытое место и остановилась, отвлекая на себя опасность.

Козлята улеглись, а мать осталась настороже. Острая боль и сильный удар в предплечье – косуля упала и мутнеющим взглядом увидела, как её дети выскакивают из кустов и убегают.

Охотник остался доволен, он накормит потрохами своего помощника – верную собаку, принесёт добычу домой и ему будет чем кормить своих детей.

Мёртвая петля

В конце февраля солнце начало пригревать по-весеннему, и снег на уборах (южные склоны, лишённые древесной растительности) сошёл, обнажив прошлогоднюю сухую траву. Гуран возвращался с утренней кормёжки. Он плотно на буре набил свой желудок сухой травой и теперь искал место для отдыха.

Продолжая соблюдать осторожность, к которой его приучил жизненный опыт, он всё время втягивал широко раскрытыми ноздрями воздух и прислушивался. Место для лёжки он выбрал в зарослях из молодых лиственниц близ верхнего перегиба склона таким образом, чтобы иметь хорошую видимость вокруг лёжки, оставаясь в то же время самому скрытым мелкими зарослями. В случае опасности гуран мог бы сбежать вниз по склону, или скрыться за перегибом местности на противоположной стороне.

Сделав ложную лёжку и полукруг вокруг неё, он разрыл снег и прошлогодние листья, улёгся и стал дремать с открытыми глазами, одновременно насторожив уши. В полудремоте он вспоминал события прошедшей суровой зимы и радовался, что это голодное, холодное и опасное время уже миновало. Он был уже немолод и хорошо знал, как трудно зимой добывать пищу.

Кроме волков, этих страшных серых зверей, он знал также и другого страшного «зверя», который ходит на двух ногах и носит с собой блестящую

чёрную палку, изрыгающую гром и причиняющую сильную боль. Это охотник, он очень опасен и от него надо всегда уходить как можно скорее. Гуран хорошо знал и сильный запах охотника.

Охотник ставит на тропах круглые прутья, очень опасные прутья, пахнущие железом, которые схватывают за шею, если их неосторожно задеть головой и не обойти стороной. Чтобы вырваться из железного плена, надо сейчас же чуть-чуть податься назад и, тихонько помотав головой, освободить её. Лучше всего, конечно, по тропам ходить осторожно, обходя все подозрительные предметы с чужими враждебными запахами.

Ещё есть один опасный зверь, похожий на кошку, который прыгает с дерева прямо на спину или бесшумно подкрадывается к лёжке – рысь. Так перебирал козёл в уме накопленный опыт, в то время как тело его отдыхало.

Он вспомнил о прошлогодней битве во время гона с двумя молодыми соперниками, которых удалось оттеснить из своих владений и так проучить, что вероятно они больше не осмелятся сунуть свой нос в его лес.

Вдруг его слух уловил лёгкий шорох. Зверь бежал с подветренной стороны и был, по-видимому, довольно близко. Вероятно, это молодой, глупый, подумал гуран, ну что он один может сделать мне теперь, когда зима уже прошла – только зря беспокоит – однако на всякий случай приготовился к прыжку.

Вскоре вдали показался и зверь, но был он не серый, а чёрный, с острыми ушами, длинным хвостом и белой мордой. Он бежал быстро, прыжками, рядом со следом, которым пришёл гуран сюда, на лёжку. Надо уходить – подумал гуран и, сделав большой прыжок в сторону противоположную бегущему зверю, мелкой рысцой обогнул сопку и направился к густым зарослям. У края зарослей он остановился, понюхал воздух и прислушался – зверь следовал за ним.

Тогда он большими прыжками бросился в заросли. Он был уже в зарослях и считал себя в безопасности, когда вдруг порыв встречного ветра донёс до его широко раскрытых ноздрей знакомый сильный запах двуногого охотника, находившегося где-то недалеко впереди.

Положение ухудшалось: сзади бежал по следу чёрный зверь, впереди – двуногий, справа – открытое место – и козёл круто повернул налево, к знакомой тропе, ведущей на сопку. Сердце его тревожно забило, он занервничал – это было похоже на окружение. Выскочив на тропу, он стремглав понёсся по ней большими прыжками, чтобы поскорей уйти от угрожающей опасности.

Но на бегу он не обратил внимания, что по обеим сторонам знакомой тропы выросли маленькие ёлочки, оставляя лишь узкий проход между ветвями. Внезапно он почувствовал сильный толчок с острой болью около ключиц и понял, что попал в ловушку, пахнущую железом.

Моментально он отпрыгнул назад, намереваясь освободиться. На середине прыжка он снова почувствовал резкий толчок, одновременно что-то сдавило ему горло, и силы начали покидать его.

В это время чёрный зверь подбежал к обессиленному гурану, прокусил ему горло и улёгся рядом с уже безжизненным телом. Собака поджидала своего хозяина.

Дружба

Стояла холодная декабрьская ночь. Мороз достигал 60-ти градусов по Цельсию. От холода над долиной навис белый густой туман, сквозь который едва просвечивал диск идущей на ущерб луны. Река, казалось, застыла. Мёртвая тишина ночи лишь изредка разрывалась потрескиванием лопавшегося от мороза речного льда.

В это время вниз по реке шёл человек. Шаг его был твёрдым и уверенным, он хорошо знал местность. Одет он был в лёгкие охотничьи унты из лапок козули, меховые штаны из шкуры гурана и белый полушубок, перепоясанный широким ремнём, на котором висели охотничий нож и патронташ. Большая беличья шапка закрывала уши, щёки, затылок и лоб, а на руках – меховые перчатки. На левом его плече висело ружьё, которое он время от времени осторожно поправлял и поддерживал левой рукой. Через правое плечо был перекинут ремень, на котором висела тяжёлая ноша – большой чёрный зверь с белой мордой, короткими острыми ушами и длинным хвостом. Это была его любимая охотничья собака – сибирская лайка по кличке Волк, теперь мёртвым безжизненным телом висевшая за спиной. В боку у неё зияла огнестрельная рана, вокруг которой запеклась кровь.

Не обращая внимания на мороз, человек размеренным шагом шёл вниз по реке. Время от времени он останавливался, поправляя на спине свою ношу, и шёл дальше. Крутые берега реки, сложенные базальтами и покрытые невысокими елями, суровым молчанием провожали его.

Он знал здесь каждую излучину, каждый выступ, каждое обнажение берега. Три года тому назад он приехал сюда, в тайгу, чтобы исследовать её богатства и направить их на службу Отечеству. Теперь дело подходило к концу, и возле небольшого посёлка, из которого он вышел, уже высились корпуса новостройки и дымились трубы электростанции.

А человек всё шёл и шёл твёрдым размеренным шагом, на обращая внимания ни на красоты зимнего пейзажа, ни на сильный мороз – он был поглощён своим горем – потерей любимого друга и помощника в скитаниях по тайге. Предательский ночной выстрел озлобленного врага нанёс рану, отнял жизнь у собаки. Человек знал, кто выстрелил, и чётко понимал, что выстрел этот – удар, направленный врагом против него самого, приехавшего в тайгу издалека.

Вот он миновал базальтовый каньон и свернул вправо, поднялся по еле заметной звериной тропе на террасу, вышел к озеру и, обогнув его, остановился около неглубокого старого шурфа, вырытого им же при изысканиях молибдена в базальтовых россыпях.

Здесь он снял свою ношу, бережно положил её на снег, отвязал ремень, на котором нёс её, погладил последний раз по голове собаку и осторожно опустил её в шурф. Отложив в сторону ружьё, он принялся заваливать шурф обломками базальта. Наверх он положил самую большую глыбу, которую только мог сдвинуть с места.

Затем он выпрямился во весь рост, поднял ружьё – два выстрела один за другим прозвучали в предрассветной утренней тишине.

«Подлое охвостье! Вы побоялись направить свой выстрел в меня и выместили свою трусливую змеиную злобу на собаке, моём друге. Но всё равно, никакими выстрелами из-за угла не остановить вам развивающуюся в тайге новую жизнь, освоение найденных новых месторождений полезных ископаемых» – так думал он – изыскатель, геолог и охотник.